

М.А. Чешков,
доктор исторических наук,
ИМЭМО РАН

Глобалистика как критика антиглобалистского отечественного сознания

За прошедшее десятилетие сначала настороженное, а затем все более негативное восприятие глобализации отечественным сознанием превратилось из умонастроения в *антиглобалистский стереотип*. Таковой базируется на представлении о глобализации как однозначно негативном процессе, который отождествляется то ли с вестернизацией и американизацией (А.Зиновьев), то ли с идеологией "глобального коммерциализма" (С.Аверинцев). Антиглобалистский стереотип есть не только "продукт" пореформенной (скорее постсоветской) России, сколько *новая историческая форма* проявления "вечного" российского социопсихологического комплекса, сочетающего традиции российского тотального революционаризма, советского интернационализма с синдромом русской самобытности, "демонизацией" капитализма и ксенофобией. Этот стереотип не только опасен, но и вреден, ибо направляет политическую, эмоциональную и духовную энергию народа не на внутреннее самоустройство, а на бесплодное противостояние — уже второе после опыта коммунизма.

Для того чтобы научный дискурс о глобализации мог хотя бы косвенно воздействовать на данный стереотип и его глубинный комплекс, представляется важным рассмотреть эволюцию этого дискурса и сложившуюся эпистемологическую и гносеологическую ситуацию; сформулировать новое представление о глобальности и глобалистике, а также определить в самых общих чертах возможные направления воздействия предлагаемой ниже концепции на восприятие глобализирующегося мира российским общественно-научным сознанием.

1. Эволюция и состояние глобалистского научного дискурса

Зародившись на рубеже 60-70-х годов, знание о мировых и глобальных феноменах в течение трех последних десятилетий бурно развивалось вширь, достигнув пика в этом экстенсивном росте на рубеже XX-XXI вв. Выработка этого знания происходила при доминировании такого мировоззренческого дискурса, сторонники которого видели глобализацию как процесс унификации мирового рынка, становления мировых финансов, современных научных и информационных технологий. Противники, отвергая это представление о глобализации, как и саму идею глобализации, противопоставляли ей защиту культурной самобытности, национальной государственности, исторических традиций. Общий климат в этом совокупном знании, как видим, изначально был задан, по существу, одним мировоззренческим дискурсом, но с полярными оценками процесса глобализации — позитивными (у неолибералов) и негативными (у "почвенников"), а также с различным дисциплинарным обеспечением (экономические науки — культурология). За прошедшие десятилетия набор дискурсов — не- и вненаучных — стал куда более разнообразным, включая не только неожиданные политические конфигурации, соединяющие консерваторов и левых, но и дискурсы цивилизационно-региональные и феминистские (Р.Робертсон и Х.Кхондекар).

Знание о мировых и глобальных феноменах росло вширь, экстенсивно за счет не только не- и вненаучных секторов. Определенный прогресс отмечается и в собственно научном дискурсе, в рамках которого монодисциплинарность сменяется многодисциплинарностью, расширением круга дисциплин вплоть до экологии, космологии и глобальной истории. Смягчается идея однозначно-унифицирующей глобализации за счет выделения гибридных и смешанных форм этого процесса (Ж.Н.Пиетерс), расширяются временные рамки глобализации (до Осевого времени; XVI в. и т.д.). В ходе этой эволюции меняется и проблемное, и предметное поле научного глобалистского дискурса. Если в 1970-е годы это поле было очень широким и агрегативным, охватывая набор так называемых мировых и глобальных проблем, то в 1980-е годы оно сужается до проблематики мировой экономики и мировых финансов с тем, чтобы в 1990-е годы вновь и на этот раз беспредельно расшириться, охватывая проблемы информационно-коммуникативные, финансово-экономические, политические, социокультурные или, по-другому, всю совокупность современных мега-трендов (по Дж. Нисбету).

Для глобалистского научного дискурса такой "большой взрыв" имел и позитивные, и негативные последствия. Идея глобализации стала более емкой, менее однозначной, преодолевая дихотомию универсализма и плюрализма, признавая даже тенденции к унификации и различиям как равносвойственные глобализации. "Большой взрыв"

породил представления о глобализации как радикальной трансформации принципов жизнедеятельности, ценностей и перспектив развития (А.Некlessа), воплощении Великой социальной трансформации (П.Валлерстайн), аналоге Великой трансформации (К.Поланьи).

Иными словами, понятие "глобализация" не только возводится в ранг предельно общих понятий (что кажется обоснованным), но даже заменяет их, например, в тех случаях, когда глобализация отождествляется с современной цивилизацией, и наоборот (В.Лапкин, В.Пантин), а научный глобалистский дискурс имеет тенденцию стать разновидностью новой "научной универсалистики" (термин А.Назаретяна), тяготея то ли к идее Единой науки, то ли к "теории обо всем". Такая траектория неизбежно привела к девальвации и без того смутного понятия "глобализация", превращая его в триумф или в лучший случай в определении того неизвестного, что подлежит раскрытию, а возможно, даже не подлежит познанию (область неведения). В итоге складывается такая ситуация, когда всем ясно, что глобализация реальна, но никому не понятно, что она представляет собою по существу (И.Бартелсон).

Чрезмерное расширение понятия "глобализация" опасно не только размытием границ между данной категорией и другими предельно общими понятиями, но в еще большей мере тем, что трактуемая подобным образом идея резонирует с восприятием глобальных феноменов мировым общественным сознанием. В этом зеркале глобализация видится как нечто громадное, внешнее, подавляющее все (У.Бек), а в современном российском сознании ее восприятие уподобляется традиционному "чудище обло, озорно...", усиленному "демонизацией" капитализма, столь присущей советскому сознанию. В итоге научный дискурс о глобализации и общественное сознание работают в одном режиме, *стимулируя отечественный антиглобалистский стереотип и деформируя собственно научную мысль.*

Тем не менее уже выработаны определенные предпосылки и основания, которые в дальнейшем позволят перестроить научный дискурс таким образом, чтобы его воздействие не стимулировало, но, по меньшей мере, подрывало антиглобалистский стереотип и особенно его общественно-научную легитимацию¹.

Решающим моментом такой перестройки знания о мировых и глобальных феноменах предстает стремление увидеть и понять *собственную логику и динамику* глобализации, понять глобализацию *как таковую*, определить и раскрыть ее искомую сущность средствами категориального знания. Сущность глобализации видится в потребности человека в общении (Г.Шахназаров), что дает основания рассматривать глобализацию как имманентную сторону бытия, сознания и деятельности человека и тем самым утверждать,

---

¹ Подробнее об этих предпосылках см.: Чешков М.А. Глобалистика: Поиски предмета. М., 2002. С. 68-71.

что *глобализация была всегда* постольку, поскольку существовало человечество (В.Толстых). Это представление выражает, так сказать, абсолютное бытие глобализации, без чего немислимо представить и исторические рамки этого феномена, которые далеко раздвигают время его существования (Г.Померанц, Б.Ерасов и др.).

Другое основание перестройки научного глобалистского курса может базироваться на *растущей полноте* этого вида научного знания, охватывающего полярные качества и разнонаправленные вектора глобализации. Однако "полнота" сама по себе не достаточна и подлежит осмысливанию не столько через эклектическое соединение, скажем, сходств и различий (по Р.Робертсону), но через понимание этой идеи как органического двуединства (В.Кушлин). Эти сдвиги в плане содержательном ныне все чаще переводятся на язык категорий, раскрывающих природу глобализации и ее отдельные стороны (У.Бек).

В целом научный дискурс оказывается ныне в ситуации бифуркации: он или вновь возвращается в "массу" знания о мировых и глобальных феноменах, или может выделиться из этой массы, добившись самоопределения как в своих внутренних параметрах, так и в отношениях со смежными дисциплинами. Иными словами, этот дискурс должен обрести статус определенного направления или области научного знания — глобалистики. Причем ее становление служит единственным средством подорвать антиглобалистский стереотип общественного сознания. Ниже мы вкратце излагаем проект такого самоопределения глобалистики.

2. Понятие "глобальность": антропоисторическая версия

Чтобы сформулировать заново базовое понятие "глобальность", необходимы три предварительных условия — определение метода, рамочной концепции и объекта познания. Мы опираемся на так называемый интегральный метод, постулирующий видение объекта во всех его ипостасях (материальных, духовных и пр.), следуя традиции П.Сорокина (см. работы Ю.Яковца). Далее: необходима рамочная концепция, рефлектирующая человечество как целое. Мы здесь ограничимся собственной концепцией, описывающей человечество как глобальную общность, ядро которой конституировано взаимодействием трех начал — социального, природного и субъектно-деятельностного. Таково теоретическое описание человечества как целого (объекта), а понятие "глобальность" адресуется не данному объекту, но лишь его определенному параметру — *когерентности* данного целого или взаимосвязям его частей. Говоря коротко, референтом понятия "глобальность" выступает не *человечество-целое*, но только *целостность человечества*. Такое узкое определение референта позволяет избежать онтологизации данного понятия и вычленить его референта из контекста.

Базовое понятие "глобальность" (globality; globalite) не может быть определено в какой-то одной сфере знания и на каком-то одном уровне абстракции: чтобы раскрыть его содержание, необходимо сочетание знаний нескольких "сфер" и соподчинение идей, принципов и категорий, характеризующих ту или иную сторону этого понятия. Соподчинение, иерархически организованное по уровням абстракции и предметам и построенное по принципу возрастающей конкретности.

Основные положения предлагаемой версии таковы:

1. Базовое понятие опирается на так называемое предпосылочное знание — философское (идея общения как витальной потребности человека) и общенаучное (неслиянность и нераздельность как принципы организации жизнедеятельности человечества).

2. В сфере специального частнонаучного знания ("глобалистика") глобальность предстает как категория "*архетип глобальности*", выражающая *всеобщую связь неоднородностей*.

3. На базе архетипических (доисторических) качеств формируется генотип глобальности, который складывается в XVI—XVIII вв., закрепляется на рубеже XIX—XX вв., становясь нормой организации глобальности в индустриально-модернистскую эпоху (XIX—XX вв.) и подвергаясь ломке к концу XX в.

4. На уровне, максимально приближенном к реальности, глобальность раскрывается уже в иных категориях, а именно — характеризующих исторические типы, эпохи, пространственно-временные конфигурации и формы, балансы соединительных и разделительных тенденций в их функциональной и компенсаторской связи, различные по отдельным эпохам.

5. Эту версию глобальности можно назвать антропоисторической, ибо в ней глобальность выглядит как имманентным качеством человека и человечества¹, так и исторически вырабатываемым (изменяющимся).

6. В своем конечном или резюмирующем виде понятие "глобальность" выступает как характеристика двух закономерностей самоорганизующейся эволюции человечества — тех, что как соединяют, так и разъединяют, как унифицируют, так и различают, как конвергируют, так и дивергируют различные компоненты человечества — от "совокупностей" до индивидов.

На базе такой трактовки понятия "глобальность"² можно определить и предмет научного знания или предмет глобалистики. Таковая нацелена на исследование двух механизмов эволюции человечества и его истории, механизмов, которые воспроизводят в ди-

---

¹ Здесь нет антропоцентризма, ибо человечество рассматривается как составляющая всей совокупности планетарных процессов.

² Подробнее см.: *Чешков М.А.* Глобалистика — путь самоопределения // Труды Клуба ученых "Глобальный мир" 2002. М: ИМЭМО-Институт микроэкономики, 2003. Т. 4. С. 44-66.

намике целостность человечества в ее связанности и разделенности, общности и различиях. Роль первичного идеального объекта познания (А.И.Липкин) выполняет здесь категория "архетип", выражающая *органическое единство всеобщности и неоднородности* (ср. категория "товар" как единство меновой и потребительной стоимости в отличие от парного диодического понятия "элита — массы"). При таком определении предмета глобалистика имеет и свою предельную проблему, которая заключается в изучении *исторических форм баланса* соединительных и разъединительных процессов (соединительно-разделительные отношения, по Д.Риндосу), и поиске *баланса, оптимального с точки зрения воспроизводства человечества как целого*. Говоря совсем коротко: *глобалистика есть наука о соединительно-разъединительных отношениях в ходе эволюции человечества*.

Такое понимание предельной проблемы актуализирует глобалистику как проблемную область знания наддисциплинарного порядка со своим предметом и со своим первичным идеальным объектом. Можно говорить и о становлении корпуса общей теории глобальности (основные закономерности; исторические формы; воздействие на "контекст"). Определяется четко и сфера компетенции глобалистики: она отвечает на вопрос: "Как воспроизводится человечество в совокупности его различий?", но *не отвечает* и, главное, не должно отвечать (!) на вопрос о причинах этих различий и их соединения.

Предложенная версия понятия "глобальность" далека от завершенности. И все же ее полезность очевидна: мы получаем возможность, во-первых, выделить феномены глобальности в контекстах различных обществ и цивилизаций; во-вторых, показать, что данное понятие не тождественно другим предельно общим понятиям — "человечество", "цивилизация", "история", "развитие", ибо, имея свой предмет, оно лишь пересекается с другими понятиями данного порядка. Эта демаркация основывается на признании того, что в эволюции человечества глобальность выполняет функции воспроизводства и регуляции, но не генерирования; хотя может действовать и как "фактор" трансформации. Наконец, наша версия позволяет не сводить понятие "глобальность" к показателям масштаба и значимости явлений, лишает его тривиальности, не дает превратиться в простой термин и придает ему четкую смысловую нагрузку в выражениях типа "глобальная эпоха", "глобальная цивилизация", где глобальность есть лишь один из параметров этих феноменов, не тождественный ни эпохе, ни цивилизации.

3. Возможные изменения стереотипа

Предложенные версии понятия "глобальность" и ее научного статуса, хотя и необходимы, на наш взгляд, но сами по себе далеко не достаточны для того, чтобы разрушить антиглобалистский сте-

реотип. Эта недостаточность особенно заметна в слабой обоснованности вариабельного характера глобальности, что, в свою очередь, обусловлено невыявленностью природы *собственно глобальных отношений в их отличии как от всей совокупности мироотношений*¹ (ахиллесова пята глобалистики, в том числе и нашей версии), так и их крупных компонент (капитализм, цивилизации, модерн, постиндустриализм).

Но даже при этих пробелах данная версия глобальности может воздействовать, так сказать, разъедающе на антиглобалистский стереотип, в первую очередь, через научный сектор отечественного сознания. Разработка антропоисторического видения глобальности подрывает такие важные стороны научного дискурса, как склонность к одностороннему видению предмета, жестким бинарным оппозициям, склонность к онтологизации научного знания в ущерб его гносеологическим и эпистемологическим сторонам; тенденцию к максимальному обобщению, застарелый социоцентризм и т.д.

В сфере отечественного научного сознания наша версия сталкивается с рядом помех или, точнее, с рядом укоренившихся воззрений, которые образуют если не основание, то как бы защитный вал вокруг антиглобалистского стереотипа. Одной из составляющих данного "вала" выступает отождествление Культуры с Различиями и противопоставление тем самым Культуры Универсализму и Плюрализму, а, значит, и Глобальности, поскольку таковая мыслится как воплощение Универсализма. Короче, образуется следующий ряд тождеств: Культура есть Различие; Универсализм есть Анти-теза Culture; Глобализация есть Универсализм и потому Анти-теза Culture. Эти постулаты широко распространены в отечественных цивилизационных исследованиях, этой научной крепости антиглобалистского стереотипа.

Другая помеха нашей версии заметна в политологии или, точнее, теории международных отношений, где антиглобалистский стереотип обретает силы в представлении о глобализации как отрицании национальной государственности. Действительно, этот тезис присущ неоллиберальной идеологии глобализации и рассматривается многими отечественными авторами как обязательный атрибут глобальности. Лишь некоторые исследователи предпочитают говорить не об исчезновении государства, а об изменении его функций в ходе глобализации (Н.Косолапов). Оценки такого рода в этой области отечественного научного знания скорее маргинальны, и в целом политология с ее идеей Нового имперства и теория международных отношений "работают" на антиглобалистский стереотип. Признаем также, что в нашей версии эта проблема не разработана и тем самым предлагаемая концепция малодейственна против антиглобалистского стереотипа. Данный стереотип черпает силу и в

---

¹ И в значительной мере так называемой альтерглобалистики.

области социально-экономических исследований, где, как правило, акцентируются негативные последствия глобализации, хотя и здесь делаются попытки указать на ее позитивные стороны (работы Ю.Шишкова) и отделить то, что несет собственно глобализация, от того, что определяется более общими закономерностями (скажем, развитием мирового рынка или движением капитала).

Как видим, антиглобалистский стереотип достаточно прочно защищен отечественной наукой, что и придает ему научную фундированность. Поэтому он может быть подорван скорее в своем самом общем контексте. Речь идет об отечественном мировидении или шире — о том, как выглядит человечество в современном российском общественном сознании. Именно здесь воздействие, пусть и косвенное, нашей версии на антиглобалистский стереотип можно проследить достаточно точно.

1. В нашей версии глобальность есть качество абсолютное, имманентное человеку и человечеству, заданное определенной витальной потребностью. Уже это одно стимулирует гуманистическую традицию российского сознания — от Ф.М.Достоевского и В.С.Соловьева до русских космистов — и позволяет говорить о "российском человечестве" так же, как и об иных человечествах — латиноамериканском, арабо-мусульманском (в терминологии В.Цимбурского, но в ином смысле). Мировосприятие, основанное на нашем понимании глобальности, подрывает некоторые позиции в сфере цивилизационных исследований, этом переднем крае антиглобалистского стереотипа.

Вместе с тем наша версия, отрицая социо- и особенно экономцентрическое научное знание, подрывает идеи вечности и неизменности экономических законов капитализма и вместе с ними "демонизацию" капитализма. Без подобной демонизации антиглобалистский стереотип лишается своего важного источника и второго по значимости (после идеи отождествления культуры и различия) компонента. Подчеркнем, что изучение форм социальной организации человечества (капитализм, социализм и пр.) не входит в сферу компетенции нашей версии глобалистики.

Главный результат воздействия этой версии на отечественное мировосприятие заключается не в подрыве основных ценностей потсоветского сознания, но в изменении их иерархии. Отсюда — изменения иерархии идентичностей, что уже прямо воздействует на антиглобалистский стереотип. Соответственно предлагаемой версии, высшую ступень в системе ценностей занимает принадлежность к человечеству или осознание Россией своей общечеловеческой идентичности; далее следуют иные идентификации — религиозная, национальная, государственная. Соотношение последних идентичностей варьируется, но приоритет общечеловеческой идентичности — безусловный постулат принятой версии глобальности. Таковая тем самым в корне подрывает антиглобалистский стереотип

как и стоящие за ним силы с их различными иными иерархиями ценностей и предпочтений. Среди прямых антагонистов и оппонентов гуманистической версии глобальности оказываются и евразийцы с предпочтением то ли религии (А.Дугин), то ли цивилизации (А.Панарин); в оппозиции нашему предпочтению выступают идеи отвержения экуменического диалога (РПЦ) и позиции, соединяющие державность, социальную справедливость и религиозность (КПРФ).

2. Современное российское мировидение ориентируется — при новом прочтении глобализации — на мир как расчлененное дифференцированное многообразное и в то же время взаимосоотнесенное целое, где каждая часть внутренне противоречива и несамодостаточна. Такое представление о мире и человечестве противоположно его же пониманию как неразделенного целого, сплошной массы, не поддающейся рациональному освоению, а поэтому "внешней" и враждебной стране и индивиду. Это мировосприятие — необходимая составная часть или даже основание антиглобалистского стереотипа, тесно связанного с высокой эмоциональной напряженностью субъекта, снижающей его когнитивную способность, с его примитивным и упрощающим мышлением (А.Назаретян). Напротив, необходимая степень (мера) точности подрывает такое видение.

3. Существенно может измениться и российское историческое самосознание, основанное на идеях самобытности и противопоставления внешнему миру. Эти основания приходят в противоречие с пониманием глобальности как органического единства процессов, соединяющих и разделяющих человечество, пониманием, не совместимым с антиглобалистским стереотипом. Поскольку концепция глобальности включает не только архетип, но и изменяющиеся исторические формы, то нынешнее российское сознание и историческая наука получают возможность пересмотреть прежнюю парадигму включенности России в мировую историю и увидеть исторические формы глобализации даже вопреки государственно-центристскому подходу, присущему российской исторической науке. Такая может освоить новую Глобальную парадигму исторического знания, где акцент делается на связях как внутри общества, так и общества с природой, а идя далее, — и парадигму Универсальной истории, включающей "российское человечество" в закономерности Вселенной (по Э.Янчу и А.Назаретяну). Это новое историческое знание, столь необходимое для обновления исторического самосознания России, обретает через нашу версию глобальности соответствующий методологический подход, коль скоро единицами истории выступают не столько отдельные субстратно различные образования (государства, классы, нации), но связи, обмена и отношения между ними.

4. Изменение российского мирознания обретает практическую направленность через стратегию, основанную на данной версии глобальности. Сверхзадача такой стратегии не определяется тези-

сом "глобальность для России" в противопоставлении "глобальности для человечества". Эта ложная дилемма снимается, поскольку подлинная глобальная стратегия отношений России с миром-человечеством заключается в поиске баланса соединяющих и разъединяющих человечество механизмов, в определении "согласованного оптимума" в плане соотношения человечества как целого и как целостности, целого и его частей, в том числе российской части. Такая стратегия поиска баланса подразумевает и выработку системы управления (или направления) данных процессов, что под силу лишь мировым институтам при активном участии в них России. Это участие требует существенных усилий российского самосознания, которое должно признать свою — российскую — несамодостаточность, как и, понятно, несамодостаточность любого другого компонента человечества. Отсюда — необходимость глубокого самокритического взгляда российского общества на самое себя.

В конечном счете антропоисторическая версия глобальности и глобалистики как особой единицы научного знания нацелена на то, чтобы, говоря нашим привычным языком, если не реабилитировать глобализацию, то "снять с нее необоснованные обвинения". Тем самым создается возможность заблокировать угрозу рождения нового, второго издания тоталитарного сознания, частью которого и является антиглобалистский стереотип.

Если подобная блокировка возможна в области научного сознания, то понятно, что она куда более проблематична в сфере общественного сознания, его *не-* и *вне*научных секторах. Тем не менее и в этом случае возрождение тоталитарного сознания не безусловно. Поскольку современная наука реализует себя лишь через постоянный диалог с философскими, теологическими, образными, обыденными формами и способами познания, то она выступает не в роли эталона и идеала общественного сознания, но лишь как важный партнер всех других форм познания. Такие партнерские отношения исключают претензии на гегемонию как науки, так и культуры (на чем настаивает И.Ионов) в совокупном общечеловеческом знании (термин Э.Азроянца). Свою партнерскую роль наша — гипотетическая — глобалистика может выполнить лишь при двух условиях: во-первых, ей предстоит освоить нормы Новой науки с ее постнеоклассической философией и, во-вторых, на этой основе сформировать широкий комплекс частнонаучных дисциплин, по отношению к которым наша глобалистика будет выступать как наддисциплинарная область преимущественно с методологическими и интегрирующими функциями; в-третьих, добиться, чтобы соседние, наиболее близкие к глобалистике дисциплины интериоризировали ее нормы и правила, не теряя при этом своих прежних привычных предметов.

Если эти условия будут выполнены, воздействие глобалистики на антиглобалистский стереотип будет тем продуктивнее, чем эф-

фективнее она сможет противостоять антисциентистским настроениям и квазинаучным представлениям, которые вырабатывает и которыми питается сам антиглобалистский стереотип. Подобные же идеи получают основания и в самой науке, когда ставится вопрос о "конце науки", становящейся или чисто прикладной, или аналогом чистого искусства (так называемая ироническая наука Дж.Хоргана). На наш взгляд, пример и опыт глобалистики свидетельствуют скорее о том, что рост науки как особой формы знания/сознания, исторический процесс наукогенеза продолжается. Он интересен как раз тем, что в ситуации предвещаемого "конца науки" глобалистика, выступая как частный случай наук о процессах взаимодействия (в самом широком смысле), демонстрирует одновременно и дифференциацию (разъединение), и интеграцию (соединение) научного знания. От формирования глобалистики в значительной мере зависит исход борьбы между научным и утопическим видением глобализации, которое (утопия всех видов) и есть сущность антиглобализма и российского, и мирового.